

Чжоу Чэн изначально сидел в своей комнате, делая домашнее задание, когда услышал, как его мать и Гу Миньюй разговаривают в соседнем дворе. Отложив ручку, он с любопытством последовал за ними. Переступив порог незапертых ворот дома Гу, он невольно задумался о том, как время изменило всё. Панда, давно не видевшая Чжоу Чэна, радостно завиляла хвостом, пытаясь к нему прижаться. Хотя с тех пор прошло много лет, Чжоу Чэн всё ещё не мог преодолеть свой страх перед собакой. Когда рядом был Гу Миньюй, Панда держалась на расстоянии, но сейчас она явно собиралась на него прыгнуть, и Чжоу Чэн, испугавшись, начал крутиться вокруг неё, пытаясь избежать контакта.

Панда, решив, что это игра, с ещё большим энтузиазмом бросилась в погоню, заставляя Чжоу Чэна носиться по всему двору. В самый разгар этой суматохи из дома донеслись звуки ссоры и борьбы. Чжоу Чэн, поражённый, уже собирался войти внутрь, как увидел, как его мать, Чэнь Линлин, выбежала в слезах, а за ней, с кухонным ножом в руке, гналась мать Гу Миньюя, Ху Чжэнь.

Чжоу Чэн оцепенел.

Чэнь Линлин, добежав до двора, поняла, что от Ху Чжэнь не скрыться, и развернулась, чтобы вступить с ней в схватку. Панда, напуганная происходящим, залаяла.

Острый нож переходил из рук в руки. Чжоу Чэн и только что выбежавший из дома Гу Миньюй, оба в ужасе, бросились разнимать женщин, схватив каждую и силой оттащив в стороны. Панда, испугавшись ещё больше, отступила, издавая жалобные звуки, словно умоляя их прекратить ссору.

К счастью, обе женщины были хрупкого телосложения, а мальчики обладали достаточной силой, чтобы удержать их от дальнейшей борьбы.

Чжоу Чэн, всё ещё не понимая, что происходит, с недоумением спросил:

— Миньюй, они... что случилось?

Гу Миньюй не ответил. Его лицо было суровым, а красивые глаза мрачными. Мать всё ещё вырывалась, крича и размахивая ножом.

— Хватит! — рявкнул Гу Миньюй, отпустив Ху Чжэнь и вырвав у неё нож.

В его глазах бушевал гнев, словно готовый извергнуться, как лава. От его крика обе женщины замолчали. Гу Миньюй холодно посмотрел на Чэнь Линлин и сказал:

— Пожалуйста, уходите из моего дома.

Его гнев напоминал Гу Хуайли, и Чэнь Линлин, оцепенев, снова покраснела, прикрыла лицо рукой и вышла из дома Гу.

Чжоу Чэн стоял, глядя то на удаляющуюся спину матери, то на Гу Минъюя, совершенно не понимая, как всё дошло до этого. Сделав шаг вперёд, он хотел было взять Гу Минъюя за руку, но тот резко оттолкнул его.

Гу Минъюй, с ледяным выражением лица, произнёс голосом, который Чжоу Чэн никогда раньше не слышал:

— И ты...

— Убирайся!

Чжоу Чэн побледнел, отступил на шаг, взглянул на Ху Чжэнь, которая холодно смотрела на него, и, покачав головой, снова попытался взять Гу Минъюя за руку:

— Минъюй, мы же договорились...

Гу Минъюй, с лицом, искажённым гневом, схватил его за воротник и стал выталкивать из двора. Сжав губы, он молча потянул за собой ворота, чтобы закрыть их перед Чжоу Чэном.

Чжоу Чэн, совершенно растерянный, не понимал, что происходит. Он знал только одно: Гу Минъюй хочет нарушить их обещание. Он знал Гу Минъюя лучше, чем себя самого, и не мог утешить себя мыслью, что тот просто разозлился. Он понимал, что Гу Минъюй отвергает его, выталкивает из своего мира. Но... они же скрепили своё обещание рукопожатием! Независимо от того, что происходит между взрослыми, они должны были оставаться такими же близкими, как раньше!

Глядя на его бесчувственное лицо, Чжоу Чэн почувствовал, как его сердце сжимается от боли, словно его пронзили иглой. Он крепко сжал руку Гу Минъюя, и слёзы хлынули из его глаз:

— Минъюй, ты же обещал мне... Минъюй... Гу Минъюй!

Ворота захлопнулись, металлическая дверь гулко загремела от удара. Этот наивный юноша впервые почувствовал вкус отчаяния. Он плакал, как ребёнок, повторяя одну и ту же фразу:

— Минъюй, ты же обещал мне!

— Минъюй!

— Гу Минъюй!

Гу Минъюй стоял, широко раскрыв глаза, весь дрожа, изо всех сил стараясь не заплакать. Каждый стон Чжоу Чэна был для него ударом по сердцу, и боль, которую он чувствовал, была не меньше, чем у Чжоу Чэна. Но он понимал — всё уже никогда не будет как прежде.

Гу Минъюй поднял глаза к небу, серому и мрачному, которое словно давило на него. Панда сидела рядом, тихо скуля, время от времени лая в сторону Чжоу Чэна. В детстве, когда Гу Минъюй и Чжоу Чэн ссорились и не разговаривали друг с другом, Панда вела себя точно так

же — она хотела, чтобы они помирились.

Через некоторое время он опустил взгляд, наклонился и погладил Панду по голове, затем с обычным выражением лица сказал Ху Чжэнь:

— Я хочу узнать всё, что произошло. Чем подробнее, тем лучше.

Ху Чжэнь была шокирована его поведением. Слыша, как снаружи плачет Чжоу Чэн, она почувствовала, что её сын слишком жесток, и не смогла сдержаться:

— Чжоу Чэн хороший мальчик, ты...

— Мама, хватит, — холодно усмехнулся Гу Миньюй.

Если бы Ху Чжэнь знала об их истинных отношениях с Чжоу Чэном, она бы, наверное, пожалела, что сейчас заступает за него. Это только привело бы к новому скандалу. Лучше всё закончить раз и навсегда.

— Помнишь, пару лет назад папа чуть не стал заместителем директора, но потом всё заглохло? Это потому, что кто-то написал донос в провинциальную прокуратуру, обвинив его в интимной связи с замужней женщиной. И этой женщиной была наша соседка.

— Когда строили эти два дома, папа дал ей сто тысяч юаней — и это были деньги, которые я заработал!

— Конечно, никаких расписок не было! Он просто подарил их! Нет, он заплатил за её услуги! Сто тысяч за сколько ночей?!

— Иначе как ты думаешь, откуда у них деньги на виллу? Если бы в доносе не было всё чётко прописано, я бы до сих пор ничего не знала. Использовать мои деньги, чтобы ухаживать за женщиной — это Гу Хуайли мог придумать!

— И я дура, была предана ему, отдавала все заработанные деньги, а у самой не было ни копейки. Закрыла компанию, чтобы помочь ему наладить связи в провинции, а потом узнала, что о его похождениях уже все знают!

Ху Чжэнь, услышав, что Гу Хуайли могут подвергнуть дисциплинарному взысканию, обратилась за помощью к друзьям, чтобы замять это дело. Благодаря этому Гу Хуайли только не получил повышения, иначе ему бы грозили предупреждение, снятие с должности и проверка.

Гу Миньюй достал из сейфа бухгалтерскую книгу Гу Хуайли — пароль от сейфа знали только он и его отец, даже Ху Чжэнь он его не сообщил, возможно, не доверяя ей. В книге действительно была запись о займе в сто тысяч юаней, без указания заёмщика, сделанная как раз в период строительства дома. Дом был построен в 1999 году, земля и строительство обошлись в сто тридцать тысяч, а ремонт в доме Гу стоил ещё сто тысяч. В то время как в доме Чжоу почти ничего не потратили на ремонт. Получается, дом Чжоу был практически подарен.

Гу Миньюй передал книгу Ху Чжэнь, и, когда она закончила читать, произнёс всего три слова:

— Давай разведёмся.

Затем он открыл дверь и вышел, оставив Ху Чжэнь одну в слезах.

Панда сидела у двери гостиной, увидев его, наклонила голову. Гу Миньюй с трудом улыбнулся, затем замер, глядя на ворота.

Там уже было тихо, ворота соседнего дома тоже были закрыты. Закат пробился сквозь толстые облака, окрашивая всё вокруг в ярко-красный цвет.

Гу Миньюй подошёл к воротам, прислонившись лбом к металлической двери. Панда села рядом с ним.

Спустя некоторое время, когда Гу Миньюй уже собирался уйти, Панда вдруг словно что-то заметила, потянулась лапой к щели под дверью.

Там был кусок ткани... край рубашки Чжоу Чэна!

Гу Миньюй затаил дыхание, в его сердце внезапно вспыхнул порыв. Он резко распахнул ворота, и Чжоу Чэн, который сидел, прислонившись к двери, потеряв опору, упал на его ноги.

Гу Миньюй замер, не двигаясь. Чжоу Чэн поднял на него глаза, его заплаканные и опухшие глаза смотрели прямо на Гу Миньюя.

Затем Чжоу Чэн поднялся с земли и с силой обнял его, его руки сжали Гу Миньюя, как железные обручи. Его холодное, мокрое от слёз лицо прижалось к лицу Гу Миньюя, а горячее дыхание обожгло его ухо.

— Гу Миньюй, если ты ещё раз посмеешь меня оттолкнуть, я... — Чжоу Чэн не знал, чем может угрожать Гу Миньюю, может, своей жизнью?

Гу Миньюй часто задышал, затем обнял Чжоу Чэна в ответ.

— Мне всё равно, что произошло между ними. Я знаю только, что люблю тебя и хочу быть с тобой всю жизнь.

Чжоу Чэн, как и его мать Ху Чжэнь и отец Чжоу Мин, был склонен к бегству, упрямству и трусости, но в то же время обладал тем, чего не было у Гу Миньюя — безумной смелостью ради любви.